

18+

Марина Бойкова-Гальяни

Осенняя жатва

Рассказы

Марина Бойкова-Гальяни

Осенняя жатва. Рассказы

«Издательские решения»

Бойкова-Гальяни М.

Осенняя жатва. Рассказы / М. Бойкова-Гальяни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744873-8

В сборник рассказов «Осенняя жатва» вошли рассказы из жизни современной российской деревни. Здесь каждый человек на виду. Попав в трудную ситуацию, герои ведут себя по-разному, кто-то обнаруживает благородство души, а иной идет на подлость ради своего благополучия. Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

ISBN 978-5-44-744873-8

© Бойкова-Гальяни М.
© Издательские решения

Содержание

Осенняя жатва	6
Осенняя жатва-2	10
Махай	15
Дед	18
Соблазн	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Осенняя жатва Рассказы

Марина Бойкова-Гальяни

© Марина Бойкова-Гальяни, 2021

ISBN 978-5-4474-4873-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенняя жатва

Поздняя осень в Новгородской области – мрачное время года. Ноябрь темный, слякотный, и дожди, дожди... Редко выдастся ясный денек – тогда и ночь удивит щедрой россыпью звезд на бархатистом густо-синем небе. Луна настолько яркая, что когда в спящей деревне выключают фонари, вы все равно без труда найдете дорогу в дежурный магазин. А и куда еще ходить по ночи деревенским мужикам, ведь они звезд не считают, а пьют не взирая на сезон.

Был последний месяц осени. Два закадычных друга, Вовка и Леха, мужики, лет по сорок с лишком, обмывали очередную шабашку. Справедливости ради надо сказать, что халтуры были дополнительным доходом, который исчезал так же легко, как и появлялся. Оба имели постоянную работу: Вовка трудился на местной пилораме, Лешка же «пахал» в лесничестве на собственном тракторе «Белорус», некогда списанном за ненадобностью в развалившемся совхозе, и приобретенном ушлым Алексеем почти даром. Товарищи были, как говорится, с руками. Умели дом построить, вырыть колодец, срубить баньку, привезти дров и вспахать огород (даром, что ли, благословенная сельская техника?). К ним охотно шли за помощью – в основном дачники.

Тем вечером они пьянствовали у Вована. Он недавно схоронил отца (спаси его душу грешную), а ныне коротал деньки с кошкой в небольшом (на два окна) доме, в приятной близости от ночного магазина. Леха жил с верной супругой на другом конце улицы, вдоль которой выстроились, как на параде двести тридцать разномастных домов с аккуратными палисадниками. А поскольку в селе мало нашлось бы любителей снашивать ноги из конца в конец, особенно имея во дворе железного коня, Леха прикатил к своему другу-товарищу на тракторе, который теперь высился против дома, словно баррикада.

Была пятница, и запоздалые любители деревенской экзотики, кто на электричках, а кто на личных авто стремились на природу – отдохнуть, попариться в баньке, пожарить шашлыков, в общем – расслабиться после трудовой недели. Проезд по прихоти Алексея был перекрыт, и машины досадливо гудели, протискиваясь в узкую лазейку между трактором и канавой.

Наконец, Леха, в потертых, давно не стиранных джинсах и клетчатой рубаше, застегнутой на две пуговицы, выскочил из дому и, беззлобно ругая дачников, отогнал «железного буйвола» к пожарному водоему, заросшему камышами и осокой. Вывалился из кабины и, полон презрения, помочился в пруд. Тучная немолодая дама, шумно дыша, катила тележку:

– Совсем стыд потеряли, мужичье!

– А ты, что пялишься? ... не видала, корова?

Дачница охнула и, не найдя ответа, всплеснула руками. Лешка потрусил к дому и, усаживаясь за стол, покрытый растрескавшейся клеенкой, схватился за бутылку:

– Вмажем! От народ, посидеть не дадут спокойно, – он махнул рукой в сторону окна, – дачники-неудачники.

Вован, изрядно захмелевший, рванул на груди, выдавшую виды, серо-голубую майку.

– Надоело! – майка затрещала, обнажая грудь, поросшую редкими седыми волосами. – Жизнь постыла, пропащий я. Томка, дочка, городская, меня и знать не хочет. Давеча хвастал, что приняла, накормила, напоила. Врал я, все врал! Отказала мне доча. Стыдоба. Четверо суток мыкался по вокзалам, вернулся и сказочку сочинил. Обиделся, дурак, что жена хахалая нашла пока на нарах парился; вот и оставил Томку. Она совсем кроха была, а я, папаша хренов, все изгадил. А теперь больно мне, горько. Пропавший я, озябну, только ты и помянешь. Вот у тебя, жена, а я... – он махнул рукой.

– Жена? Да мне хоть домой не ходи. Надоела хуже горькой редьки да выгнать не могу, кому нужна старая баба? – глаза Алексея наполнились слезами, он смахнул их ладонью, – все

мы тут пропащие, а куда податься? Сколько по России пьяных сел? Гибнет, спивается деревня-матушка.

Он сделал паузу и, горестно качая головой, продолжил:

– Ты скажи мне, заработали денег, и что с ними делать в этой дыре? Магазин, вот и все перспективы. Болото. Жизнь – болото, затянет и не отпустит. Взять хоть Звонаря – был мужик, хирургом работал в городе. Да водка сгубила: из больницы выперли, нашел теплое местечко в морге, и там не удержался. Жена турнула из квартиры – купила ему хату в селе, да чтоб подальше.

Вовка встрепенулся:

– Лешка! Хрен с ним, с Димоном, он-то совсем пропащий, похуже нашего, ни на одной работе не держится. Но зачем, зачем он девку гробит?

– Что тебе до Эммы?

– Жалко, сил нет как жалко, моей дочке столько ж годов.

– Иль было у тебя с ней?

– Эх, Леха, дурной ты. Она мне дочку мою, Тамару, напоминает. Как вижу Эмку, сердце заходится: не дай бог, вот такой мужик попадется и споит ее. Организм женский быстро к алкоголю привыкает. – Вовка сокрушенно покачал головой. – Я вот что думаю: давай навестим Димона Звонаря, возьмем покушать – чай Эмма голодом сидит.

– А что, Володька, может, хоть одного человека выручим. Только и выпивки надо взять, сам знаешь...

Взяв с собой колбасы, хлеба, макарон, консервов, полтора литра водки и пару двухлитровых бутылок пива (благо путь пролегал через магазин) друзья присели тут же на магазинной лавочке, махнули на дорожку, закусив семечками. После этого в отличном настроении забрались в кабину «Белоруса» и благополучно отчалили, громко распевая песню «Славное море священный Байкал». Им наперебой «подтягивали» местные собаки до этого дремавшие от безделья.

Димон Звонарёв жил в соседней, забытой богом и обойденной магазинами, деревеньке, в четырех километрах от поселка товарищей. Худой, высокий немолодой мужчина, с седой шевелюрой, симпатичный, хотя и спившийся, отличался на редкость глупыми суждениями и поступками. Уж, какой он там был хирург, история умалчивает. Его сожительница, с необычным для деревни именем, Эмма, лет на двадцать моложе, порою выглядела на все пять десятков, что являлось результатом непрерывного пьянства и плохого питания. Звонарь постоянной работы не имел, перебивался случайными халтурками, а летом и осенью продавал грибы-ягоды, коих великое множество росло в окрестных лесах. Денег у него не водилось.

Димон с Эммой сидели день на редкость трезвые, отчаянно соображая, где взять выпить и поесть. В доме царила полная разруха. Эмма нервно вскакивала, подходила к окну и, отодвинув грязную занавеску, беспокойно вглядывалась в ночь. Он раздраженно одергивал подругу:

– Что мечешься? Думаешь, одной тебе хреново? Хватит в окно пялиться, никто не принесет на блюде. Уборку что ли сделала б, не метено, с каких времен.

Эмма, тяжело вздыхая, садилась на потертый, грязный диван, чтобы через пять минут снова подпрыгнуть.

Ее чуткое ухо издалека уловило стук мотора, и она с надеждой произнесла:

– Кто-то едет. Может, к нам...

Оба прилипли к мутному окошку, напряженно вглядываясь в промозглую тьму. Свет фар прорезал ночной мрак, послышалась застольная «Ой, мороз, мороз», исполняемая дуэтом.

– Никак Леха с Володькой! – радостно завопил Димка, бросаясь к двери, – пляши, Эмка, гуляем!

Мужики, смолкнув, деловито выгружали магазинные трофеи, когда подскочил Димон, заикаясь от счастья:

– Л-Лешка, В-Вовка, дружбаны!

Тут и Эмма высветилась на пороге дома.

– А ты чего? Пошла в дом! – грубо велел подруге сожитель.

– Да, ладно, Звонарь, пусть её, – вступился Володя. – Эмма, ставь макароны, пожрать бы надо. С утра квасим, уже кишки горят от водки, – взгляд его заметно потеплел при виде женщины, и это наводило на мысль, что Вовкины чувства далеки от отцовских.

– Эмме-то плесни рюмаху на ход ноги, резвей будет.

– Да не жалко, если рюмку.

Ввалились в дом, где чинно выставили консервы, водку и пиво. Вован по-хозяйски нарезал колбасу, Димка открыл консервы, достал граненые стопки советских времен, налил всем.

– Ну, со свиданьем.

– Не гони. Первую – даме, мы успеем.

Звонарёв обиженно поджал губы. Эмма протянула ему свою стопку.

– Димон, выпей с подругой, – распорядился Лёха, – а мы подождём макарон. Горячего охота, мочи нет!

Он вытащил из оттопыренного кармана джинсов горсть семечек и высыпал на стол. Ночь, чёрная, ненастная, заглянула в потное окно недобрыми глазами, а в доме было тепло, уютно. Вот только спиртное таяло с невероятной скоростью. Песни кончились, разговор стал тяжёлым и вязким – языки словно прилипли к небу. Вован клевал носом и мотал головой, словно лошадь, пытаясь стряхнуть оцепенение. Наконец, ударил кулаком по столу и в упор поглядел на Димона:

– Ты зачем бабу спаиваешь? Сам пей, на тебя плевать, коли сдохнешь, но Эмму зачем? – он дрожал от возмущения, а в глазах притаилась дикая тоска и боль.

Лёхе стало не по себе.

– Не заводись, – Он потряс друга за плечо, – не надо пьяного базара.

– Пусть говорит! – обиделся Звонарь, – он думает, за водку и колбасу купил право говорить. Может, за жратву тебе Эмму продать? Думаешь, не вижу, куда клонишь? – Димка почернел. – Хочешь уйти с ним, сучка? Не стесняйся.

Эмма рухнула перед сожителем на колени:

– Я не могу без тебя.

Лёшка не выдержал:

– Что за цирк вы тут устраиваете?

– Пусть Эмму не губит, гад. Посмотри на нее – в старуху превратилась. Издевается над девкой, фашист недобитый.

Вовка хотел поднять Эмму с колен, но та уцепилась за Димкины лодыжки. Тот снисходительно хмыкнул:

– Слышал, она не может без меня? Если кто не знает, Эмма сама приبلудилась ко мне, а я не выгнал. Эмма, так? – он протянул ей руку, и она припала к ней, будто к святыне.

Вовка замахнулся на Димона, но внезапно передумал, налил себе полстакана водки, залпом выпил, и вышел вон из избы.

– Куда это он? – спросила Эмма, вставая.

– Да ладно, не маленький, остынет и вернётся. Что я ему сделал? ... Заступничек бабский, – Димон налил себе стопку и выпил. Эмма подставила рюмку.

– А ты пить не будешь. Баста. Ешь лучше, – Димка придвинул ей тарелку с нарезанной колбасой.

Помолчали.

– Ночь уже, – Эмма поёжилась, – да и холодно. Вовку-то жалко, ведь кореша вы. Выйду, кликну, пусть в дом идёт.

Она побежала на улицу, но скоро вернулась, принесла волну холодного ветра.

- Нет нигде. Вот, чертяка, свалил, и калитка нараспашку.
- А, пусть катится. Слабак. – Лешка хохотнул, и задымил сигаретой.
- Нам больше достанется, – сказал Звонарь, подмигивая Эмме.
- И то, – заулыбалась та.
- А мало будет, сяду на трактор и еще привезу.
- Орел! – похвалила Эмма.
- Я могу пить до утра и хоть бы что. Спорим?
- Спорим! Я перепью.
- Димон с Лехой ударили по рукам. Эмма разбила.

– Подруга, сделай-ка мне горячего чаю, да покрепче. Поеду за литрухой, да банку кофе зацеплю, чтобы взбодриться.

– Кофе – это здорово, – ностальгически вздохнул Звонарь, – Бывало, пока кофе не выпью и человеком себя не чувствую.

– Молчал бы уж, интеллигент вшивый.

– Сахару возьми.

– И пару банок тушёнки.

– Ладно, халява.

Эмма вздохнула:

– Как там Володька? Наверное, уже полдороги отмахал.

Леха допил чай и поднялся:

– Ну, я пошёл.

Нетвёрдыми шагами вышел из избы, завёл трактор и, оглянувшись на светящиеся окошки, где маячили силуэты Эммы и Димона, посигналил приятелям фарами. Собутельники помахали вслед.

Ехал тихо, в глазах рябило и двоилось. В деревушке спали, редкое окно светило в темноте. Вырулил на проселочную дорогу, по обеим сторонам которой зловещей стеной высился лес. От жёлтого, прыгающего на ухабах, света фар, тянуло в сон. Казалось, всего на секунду закрыл глаза.

Вдруг левое колесо наткнулось на препятствие, и трактор подскочил на злополучной кочке. Алексей резко крутанул руль влево, и машина, кособочась, сползла в широкую канаву. Он схватил фонарик и выпрыгнул из кабины. Ноги по колено увязли в грязи. Матерясь и чертыхаясь, выкарабкался из вязкой канавы, посветил вокруг. Метрах в десяти лежало что-то большое и, похоже, мягкое.

– Или сбил кого? Ядрёна корень!

Сердце ёкнуло.

Он подошел ближе и направил луч.

Володька лежал в луже крови, нелепо подогнув ноги. Лёха выронил фонарь и затрясся. Потом осел на дорогу и, схватившись за голову, закачался, горестно причитая:

– Ах, Вовка, Вовка, как же это? Зачем ты, придурок, лег спать на обочине? Что мне теперь делать?..

Слёзы ручьями текли по небритым щекам, он шмыгал носом и голосил, голосил...

Луна, нестерпимо белая и холодная, осветила дорогу, и чёрный, качающийся силуэт мужчины, сидящего возле обочины над неподвижным телом.

Осенняя жатва-2

Лёха

Лёха запил по-черному. Казалось бы: удалось отвертеться от тюрьмы – живи, радуйся. Нет. Не в радость пошла вольная волюшка.

В ту проклятую ночь (утро только-только наметилось) привез труп кореша домой в кабине трактора, разбудил благоверную, а та раскудаhtалась, и ну фартук солить глазными ручьями. Лёха о своем:

– Маринка, сучье вымя, мозгами раскинь, что делать? Пьяный я, что сама водка, и Вовку по пьяни переехал, будь я проклят! – он схватил себя за волосы и страшно взвыл:

– Алкоголь в крови, дурища! Отягчающее! Дрянь!

Та опять пуше прежнего кудахчет:

– Ах, как соседкам в глаза посмотрю, муж-то убивец! – вдруг схватила кочергу и давай перед Лёшкой размахивать. – Иди прочь, душегуб проклятый!

Сел Лёшка на табурете, сопли по щекам размазывает:

– Хошь, убей! Мертвому хуже не будет.

Маринка опомнилась вроде:

– Ох, горе, горе! Что делать-то? Был бы трезвой! – заныла, качаясь.

Вдруг смолкла, накинула платок на шею, сорвалась:

– Дождись, носа не кажи. Утреет на дворе.

Едва полчаса минуло, слышит Лёшка, что не одна идет, поговору признал деда Гришу – небылицу ходячую. Утёр Лёха сопли рукавом, выполз из-за кута, пожал деду сухую черную руку.

– Ить, что говорю, кум, маленькие-то выпить надо, а Лекса? – голосок тонкий, интонация просительно-вопросительная, белёсые глазки слезятся, а маленькую уважительно величает множественным числом.

Маринка откуда ни возмись бутылку белой несёт, бережно рукавом вытирает:

– Дедуня, всегда с почтеньицем к вам. Капустки с подполудостану, грибочков сахарномаринованных. Уважь, хотя и не ободняло.

– С утра маленькие запсегда кровя молодют. Лей, не стесняйся! И мужа уважь!

– Лешка с вечера совсем пьяной, а ему к бригадиру надо как стекло быть.

– Проверять на алкоголь бригадир станет? – Гриша хитро сощурился, мол, недоговариваешь, кумушка, старику.

– Уж не знаю. Только зуб начальник имеет: грит, учую водку – вылетишь! Во как! Дедуля, держи еще стопаря, и грибочек, грибочек.

– Ну и дурак бригадир! – Дед выпил, крикнул, насадил гриб на вилку. – Исть народное средство! – Дед Гриша выдержал паузу, наслаждаясь растущим вниманием в зрительном зале, и подставил выпитую стопку. Марина булькнула туда горькой. Кум понюхал водку, крикнул и опустошил махом. Занюхал хлебной корочкой, капусткой холодной захрустел:

– Хороша! Моя старуха хуже солит. Научи.

– Отчего ж. Научу. Так какое народное средство?

– Насцы пол-литра и выпей махом. Никакая спиртиза не подкопается.

– Шутишь?

– Ей бо! От скажу: Кирюха о прошлом годе мотоциклом Бурого поддел, ребра в хруст, и что? То-то. Таперя киряет вместе с Бурым. Учись у старика, пока живой.

Лёха поднялся и быстро вышел. Моча – ерунда, он бы и кучей дерьма не побрезговал, чтобы спастись от тюрьмы.

- Лекса, шальной, пару сырых яиц в карман сунь. Выпей перед бригадиром. Ай, слышь?
- Слышу! – из сеней крикнул Лёха. – Понял, дед.

Лехин наезд трактором на собутыльника признали несчастным случаем. Димка Звонарёв с Эммой, где дружки квасили, показали, что Алексей (как можно, за рулём-то?!) был абсолютно трезв, а Вовка с перепою задурил, ушёл в лес. А там, видно, чуть протрезвел и, увидев трактор, выскочил прямо под колеса.

Вовкина соседка нашла в записной книжке телефон родного брата погибшего. Тот жил в Санкт-Петербурге, на звонок ответил рассеянно, из чего Валентина Павловна выдвинула версию, что братец покойного тот ещё фрукт. Тем не менее на другой день он приехал, зашёл в дом, покрутился по саду и стал возле калитки, о чем-то размышляя.

– Жаль Вовку, хороший мужик был! – нарушила его мысли соседка, – Хоронить где будете?

– Зря приехал, – почесал тот голову, – денег у меня всего семь тыщ рублей. Пусть морг как безродного хоронит.

– Господи, как же? Деревня соберет денег, мужики за бутылку могилку справят.

– Делайте, что хотите.

– Еле нашли родную душу. Вовка говаривал: братец и доча в Питере живут. Я всё вверх дном перерыла в хате соседа, а уж Лешка, дружок сердешный, неведомыми путями откопал записную книжку еще советских времен. Грязную, изрисованную, в гнилых дровах, бает, валялась. Чудно, телефон так и не изменился. Лешка трактор продаст, уж и поминки достойные справим. Езжай, мил человек, в Малую, молви родственное слово.

– Недосуг мне, своих дел по горло. А, – он вдруг махнул рукой, – и чего я тут с вами? Моё решение – пускай хоронят как безродного, всем хлопот меньше.

И был таков!

Несколько дней Алексей названивал равнодушному брату. Как-то утром явился к Валентине, почерневший лицом, и прижал к груди крепко стиснутые кулаки:

– Тётя Валя, разве можно родного брата, словно пса бродячего? А ты сказала, что трагиться ему не придется, и схороним по-людски, и помянем как близкого человека? Ой, беда, почему меня не было рядом, я объяснил бы по-мужски этому горе-родственнику. За грудки да встряхнул: зачем, дескать, мужское звание в грязь суёшь?

– Алексей, ты сам-то говорил с братцем?

– Звонил раз двадцать: заладил, что попугай: оставь меня в покое, сам задавил, сам и расхлебывай! День-деньской в райцентр мотаюсь, пороги обиваю. Бюрократов развелось, вот бы кого к ногтю. Объясняю: покойного родной брат знать не хочет, а я ему ближе брата. Без толку. Близкий родственник отказал, а вам раньше надо было думать, спохватились, когда документы оформили. Чер-те что! Завтра снова поеду.

– погоди. А если делегацией нагрнуть: друзья, соседи, режиссёр с женой? – Соседом погибшего был бывший кинорежиссёр, за которым с легкой руки Вована, укрепились кличка Дед и Режиссёр. Вовка часто хаживал к ним.

– Хорошо бы. Тетя Валя, беру на себя друзей, а ты уж с режиссёром перетри, ладно? И скорее бы, а то закопают, не спросят.

На следующий день поехали делегацией. Сухощавый мужчина (вобла сушеная, как окрестил Лёха) воззрился на них холодно-недоуменным взглядом бусинок глаз в белом одеянии коротких ресниц:

– Сколько можно говорить одно и то же: на похороны выделено десять тысяч рублей, и тело, кстати, уже увезли на кладбище.

Лёха побелел:

– Как увезли?

Заглянул в бумаги:

– Да вот, Сергеев Владимир подлежит захоронению на старом кладбище, место в квадрате четыре: это ближе к лесу, номер двести тридцать четыре.

– Понятно, – сказал Режиссёр, – с каждого мертвеца по десять тысяч в карман. Думаешь, Вовку в гроб, пусть хоть самый дешёвый, положили? Нет. На саван и то пойдётся.

– Я вызову охрану, будете оскорблять людей на рабочем месте!

– Тля, – вырвалось из Лёхиной груди, – нелюди!

– Тише Лёша, идем. Мы сами отыщем могилу и приедем дощечку с именем, датой, фотографией. Будет как у людей. А эти... – Валентина Павловна потянула Алексея за рукав.

– По большому счёту сами виноваты, – веско заметил Режиссёр, – как брат уехал, сразу надо было шевелиться.

Вернулись в деревню без Лёшки: встретив приятеля, Лёха упросил подвезти на кладбище.

Когда-то давно к месту захоронения ездили автобусы. На краю площадки, где они делали кольцо, сохранилась прогнившая будка остановки, превращенная в туалет. Будто леса мало вокруг! Возле неё товарищ и высадил Алексея.

– Жаль, спешу. Как обратно доберёшься?

– Ничего: пёхом до шоссейки, а там – попуткой.

Оставшись один, подозрительно шмыгнул носом, но стесняться было некого, и он побрёл вглубь кладбища, вытирая кулаком слёзы. Вокруг ни души! Ближе к входу располагались могилы неизвестных солдат, погибших во времена Великой Отечественной войны. Отряд Памяти искал останки героев в Мясном Бору, под Малой Вишерой и Горнешно.

Почему место для воинов определили в таком захолустье? Лёшка не знал. Остановился у пробитой снарядом зеленой каски и большой каменной доски с именами, которые удалось определить. Рядом лежали огромные венки с золотыми надписями на траурных лентах: «Вечная память воинам, павшим в боях за Родину!»

А за что погиб его друг? Заныло в груди. Алексей, присел на поребрик, достал из сумки бутерброды, завернутые Маринкой в полиэтиленовый пакет, бутылку водки, гранёную стопку. Сильный осенний ветер сгонял кроваво-чёрные тучи, пронизывал до костей, но мужчина не обращал на них внимания. Теперь он поминал парней, живших в сороковые: каждый мог быть его отцом, но он мог не родиться, тогда Вовка жил и не знал бы Лёху.

– Лежите, парни, а я иду к другу!

Аккуратно сложив выпивку и закуску, Алексей перекрестил святое место и пошел дальше, читая надписи на крестах и памятниках, вглядываясь в фотографии, будто искал знакомых.

Кладбище было небольшим, скоро оградки закончились, и он впереди едва заметил столбик с надписью: «Квадрат три».

Начинало темнеть, ноябрьские дни особенно коротки и темны. Вскоре пошёл редкий снег, ветер поутих. Он искал квадрат четыре, придерживая рукой ноющее сердце: кресты с намалёванными краской номерами стояли вкривь-вкось, напоминая шагающие чудовища. Эти кресты двигались на него. Лёха понял: когда он покинет погост, они будут идти за ним по дороге, явятся в Большую Вишеру и навсегда поселятся в его огороде.

– Господи, прости меня! – широко перекрестился и увидел свежеврытый крест с намалёванным голубой краской номером «234». Ноги подкосились, упал на колени, лбом в ледяную черную хлябь. Грудь сотряслась от рыданий.

Когда, пошатываясь от смертельного горя, встал на ноги, стемнело. Включил фонарик и, положив его на могильный холмик, помянул друга. Потом налил стопку Вовке, поставил у подножия креста, отломил половину бутерброда с сыром:

– Прости, дружище! – Остаток бутерброда раскрошил для лесных обитателей, чтобы товарищу было не так одиноко.

Чёрный лес окружал дорогу, узкий луч фонаря высвечивал тонкую полосу под ногами. Лёшка брёл, изредка останавливаясь, делал глоток из бутылки, качал головой и снова брёл. Водка закончилась, швырнул пустую бутылку в канаву и наконец, вышел на шоссе.

Повезло. Обычно с наступлением темноты движение по трассе замирает, но не прошагал и пары километров, остановилась машина, едва поднял руку.

– Лёшка? Привет. А я и вижу, знакомая вроде личность марширует. Загулял?

– Загулял – Алексей плюхнулся рядом с Вадькой, – тормозни у ночного.

– А слышал, ночную продажу скоро прикроют?

– Слышал. Мне-то что? Да и кого в деревне остановит закон? В посёлке даже милиции нету. Напиться вусмерть!

– Брось! С кем не бывает, зачем казнишься?

– А-а! Собачья жизнь!

– Пройдет. Несчастный случай подкосит, икнуть не успеешь. А водка, что брусок для заточки. Вон летом парни на Волхове пьяные купались, двое утонули, совсем молоденькие. Опять же, Юрке кисти рук отняли почему? Прошлой зимой отрубился в собственных сенах, очнулся и лап не ощущает. Избы каждый год полыхают. И всё несчастные случаи. – Тормознул. – Иди в свой ночной. Подождать?

– Не надо, мимо дома не пройду.

– Бывай!

Как водится, на живца всякая рыба клюёт, так и на халяву любители чужого слетаются. Правда, ближе к ночи уже подползают, кашляя перегаром. У Лёшки ни сил, ни желания отбиваться: с одним выпил, с другим. Не помнит, кто домой привёл.

Проснулся, Маринка на кухне злобно стучит кастрюлями. Оно понятно, муж загулял. Баба и есть баба, ей что? Небось, и рада, что кореш-собутыльник копыта бросил. Точно! Мерзавка, думала, муж хвост подожмёт – тюрьмы избежать помогла, деловая. Раз в жизни стукнуть, дабы не задирала нос. Важная такая ходит! Тьфу!

Дёрнул головой: ну и боль! Застонал.

– Тяжко, алкоголик? – подскочила, ухмыляется.

– Не кричи! И так голова раскалывается! На кладбище у Вовки был.

– Да? А привел домой Кирюха. Сам на рогах.

– У-у. Молчи или убей!

– Может, выпить хочешь? Или поесть?

– Грешно смеяться.

– Ладно, думаешь, я не человек?

«Странно, – подумал про себя Лёха, – о чем баба грохочет?»

Маринка стопаря несет:

– Лечись, несчастный!

Рука ходит, но умудрился до капли влить в дрожащий рот. Лёг на спину, прислушался к организму. Полегчало.

– Ну, как?

Шевельнул плечами: добавить бы.

– Вставай, мужик! Яйцо съешь хотя бы.

Поднялся, семейники дёргая, босым к столу: чудеса! Глазунья, а рядом ещё стопарик. Все-таки Маринка жена с понятием!

– От, молодца!

Уселся за стол, а жена с угла примостилась, глядит, как Лёха уписывает завтрак под водочку, не налюбуется.

– Валя сказала вчера про вашу поездку. Лёша, как же так?

– Маринка, самое гиблое место безродным выделили. Не представляешь: кресты вкривь-вкось старые, новые, а какие и вовсе сгнили, что номеров не видать, ломаные крестики валяются повсюду. Идёшь мимо, они шагают следом, – он испуганно посмотрел на окно, перекрестился, заплакал.

Заплакала и Маринка, по-женски всхлипывая, утирая слезы мужским носовым платком. Достала второй стопарь, налила себе и мужу:

– Помянем, Лёша, дружка твоего. Неплохой был мужик, добрый, совестливый.

Алексей придвинул жене свою тарелку:

– Закусывай. А я сейчас колбаски порубаю. Надо, милая, Вовку как следует помянуть. Виноваты все мы перед ним. Не отстояли у бюрократов!

Хлопнула калитка.

– Не иначе, дед Гриша! Вот у кого нюх.

– Маленькие выпить надо за Вованю.

Все-таки получились поминки. Пришёл Звонарь с Эммой, трезвый, чисто выбритый, Кирюха полупьяный, Валентина принесла кутю и выпивку. Далеко за полдень появился Режиссёр, который принёс холодец и целый литр горькой.

Но Режиссёра Алексей уже не помнил: Димон с Маринкой уложили его, пьяного и несчастного, спать. Сам он не знал, что спит, его бой с бюрократами продолжался. Маринка пила мало, то и дело ходила смотреть на мужа, трогала его волосы, качала головой, словно не веря, что муж рядом, что спит пьяный. Теперь она узнала настоящую любовь и жалость. И ещё она поняла, что Лёша будет пить долго, а она утром всегда поднесёт стопку. А когда муж перестанет пить, начнется новая жизнь, потому что сегодня вдруг всё изменилось. Она поправила белую прядь на лбу мужа: какие же мы стали старые!

– Хозяйка! Да куда ты запропала?

– Иду, иду!

Махай

Притопывая валенками на морозе, Махай досадливо шмыгал носом: «Ох, уж эти „новые“, когда придут неизвестно, а дежурь через сутки. Ведь вот какая незадача, да и выпить хочется. Маленькая неделю снится. А что там выходные: всего день, шибко не разгуляешься!»

Тяжкий вздох вырвался из его груди. Ровно месяц назад стукнуло 68, только возраста не ощущалось. Был он высокий, сухой и кряжистый, белый, как лунь. Махай напряг мышцы рук – вот она, силушка, под тулупом играет!

Зимы в деревне были скучными, холодными; сельчане больше по хатам сидели. То ли дело весной: солнышко пригреет, скворушки станут пары искать, и скворечники обустроивать. А деревенские из домов на улицу повалят: кумушки по две, да по три кучками собьются, ну языками чесать про хвори, огороды, и невесткам косточки мыть. Хозяева из «новых» станут наведываться на выходные компаниями – им тут и шашлыки, и банька с веничком.

После баньки рассядутся в гостиной с заморскими напитками — висками-джинами (ничего хорошего, чистый самогон, но из красивых бутылок), тут и деду перепадет.

Не то, что бы Махай не мог себе купить возжеленной выпивки, платили ему хорошо, но по крестьянской своей бережливости дед откладывал на «черный день». К тому же, кто он такой, чтобы тратиться на баловство себе. Вы думали, Махай жмот? Ничего подобного. Случится, найдет на него, так – Эх, ма! Один раз живем! – пойдет он тратить деньги; подарков накупит жене, детям (сыну и дочери) и внучат не обделит. Дети с внуками живут в городе, но не забывают, приезжают проведать стариков. Славные у них дети, правда, славные. Вот и соседка иной раз скажет: «Хорошие дети у тебя, Махай».

Вообще-то зовут его не Махай, а Илья, но смолоду пристала к нему эта кличка, так и зовут все Махаем, а настоящее имя забыли. А почему Махай? Тут своя история.

Почитай, годов сорок минуло. Жил в деревне один чудак, местный лесник, зверушек нянчил, словно деток малых: домой тащил кошек, собак бездомных, даже совенка брошенного из лесу приветил. В ту пору сынок в школу ходил, с утра до вечера стих учил про деда Мазая с зайцами – бубнил, хоть из дому беги.

Илья, тогда еще молодой, глупый, возьми и брякни:

– Леха, ты чисто Дед Махай со зверушками!

И ведь как сказал! Важно так, гордо. Уверен был, что убьет егеря интеллектом.

А тот его на смех поднял:

– Ну, – говорит, – и грамотей. Сам ты и есть Дед Махай.

Вот конфуз!

И стал Илья смолоду дедом, да еще Махаем. Теперь так привык, что назови Ильей, не откликнется. Небось помрет, крест поставят и напишут: Здесь лежит Махай, пускай земля ему будет пухом!.

Вы думаете, ему обидно? Да, нисколько, ведь это любя. Уважают его в деревне, не то, что некоторых.

К примеру, живет «в концах» Валерьян, старый, ровно пень гнилой, и никто не вздохнет о нем, хоть он помри. Потому, что живет он «ни рыба, ни мясо», абсолютный ноль, сыч бездушный с замороженным сердцем. Не любят Валерьяна на селе: жена и та ушла, потому, что лучше одной, чем с «пустым холодильником» серые дни считать. А к Махаю люди тянутся, потому что мужик он душевный и совестливый. Например, соседке поможет и забор поправить, и другую какую тяжелую работу сделать, ведь одна она, как «одинокая гармонь».

Теперешнее поколение сразу начнет ухмыляться: мол, не просто так дед к бобылке захаживает. Только на деревне знают, что Махай не такой, что он настоящий – верный и добрый. Всю жизнь душа в душу с Аринушкой. Дед смахнул рукавицей слезу:

– Ну и мороз, слезы из глаз вышибает.

Да нет, он не плачет. Только...

Вспомнил жену и расстроился. Уже второй год занемогла, сердешная. Страшно подумать, что оставит она его первая, и будет один, как палец корявый, да какой там палец, сучок засохший. Спаси, боже праведный. Есть сказки про исполнение желаний. У него одно желание, жила бы Аринушка.

Когда-то дочка пыталась его про любовь, настоящую, как в кино. Тогда он лишь плечами пожал:

– Настоящая любовь в том, чтобы беречь друг друга. Жалеть.

Но дочка не унималась:

– Вот ты, отец, с юных лет живешь с мамой, тихо и гладко у вас. А любовь – это буря, безумство. Заботы, быт – такая скука... Неужели ты не совершал необыкновенных поступков ради возлюбленной? Хоть в школе?

Дед улыбнулся, вспоминая разговор с дочерью, и призадумался: Безумства? ... Интересно, считается ли безумством его тот поступок? Что сказала бы дочка?

Давненько это было. Случился приступ аппендицита, попал Илья в больницу. Доктор там молодой, очень строгий. Сразу после операции заволновался Илья, скоро ли домойпустят. А доктор сердито нахмурился:

– Вы, молодой человек, только из операционной, так что лежите не задавайте глупых вопросов. А когда выписывать, мы уж сами решим.

Прошел день, потом ночь, а сон не идет, в голове беспокойство о жене. Время тянется, словно резина. Утром доктор пришел, осмотрел его и сказал, что все идет как надо. А к ночи совсем тошно стало. Грустно, хоть плачь.

Выглянул в коридор – дежурная медсестра дремлет, положив руки на стол. Больше – никого! Еле дыша, прокрался мимо, осторожно спустился по лестнице. Тихо! С колотящимся сердцем, отодвинул засов, толкнул дверь, и вышел на улицу, как был, в пижаме, хорошо не зима.

Помнится, возликовал тогда, что нынче Аринушку увидит. Прикинул: до деревни из райцентра одиннадцать километров, всего около трех часов пешего хода. Учсть ноющий бок, часа четыре от силы. Но расстояние и боль – сущие пустяки. Разве может такая мелочь удержать любящего человека?

Вот только не попал Илья домой; на полпути настигла беглеца санитарная машина и отвезли его... в психушку.

Пришлось потом Аринушке выручать непутевого. Вот вам и безумства: срам один. Стыдили его, дурака, врачи; супруга посмеивалась, хотя видел он, что довольна и горда чувством мужа.

Сейчас, если бы дочка спросила, как он любовь понимает, он бы ответил:

– Ничего не надо, только помереть в один день.

Махай потопал ногами, постучал валенком о валенок: Ну и ночка выдалась: мороз, аж ноздри слипаются, брови и те льдом покрылись, знать, близко рассвет. Вот и фонарь зажгли. Дело к утру, можно бы и маленькую в тепле выпить, но расхотелось что-то.

Да-а. Жена любимая так и состарилась вместе с ним, а ведь только жить начали, когда детей вырастили. И по санаториям не успели поездить. Да ладно, небось, не в этом счастье.

Дед посмотрел на часы: скоро, скоро его сменят.

А вот и Вася, напарник. Не сидится в теплом «скворечнике».

Молодой парень в военном тулупе подошел к Илье, и, вытащив из черной пачки сигарету, щелкнул зажигалкой:

– Скоро домой, меньше двух часов осталось. Ты, дед, шел бы, погрелся, чайку попил. Кипяток свежий.

– Успею. Денек грядет морозный! Хорошо!

– У смены он будет хлопотным. Звонил хозяин: гулять будет по полной. Олигархи, как в прошлый раз, девок привезут. Умеют веселиться, черти! – он восхищенно покачал головой, – чтоб я так жил!

– Управы нет! А молодежь, вроде тебя, смотрит. Вот ты, хороший парень, а туда же. Чему завидуешь? Ну, напьются, малолеток накачают алкоголем, а то и наркотиками.

– А ты не завидуешь? Небось, каждую копейку считаешь. Что ни говори, богачом быть здорово! Помнишь зиму, когда девку голышом на холод выставили? она еще пальцы на ногах отморозила? И что? Ты думал, наш хозяин в тюрьме сгниет? Шиш.

– Безнаказанность. Ничего, перед Богом все ответят.

– Скажите, прям Святой Махай! – Васька засмеялся, – Ладно, идем в будку.

Дед мотнул головой:

– Не нравятся мне эти гулянки. Разврат! Какую девочку нынче искалечат? Где Господь, почему смотрит на это?

– Жди ответа. Мы на земле живем, здесь и гадим! – парень хохотнул. – А я бы развлекся с сикалками. Так развлекся, потом неделю бы девки на четвереньках ползали.

– Ремня хорошего! На четвереньках. Совесть есть у тебя?

– В штанах моя совесть, – Васька хлопнул себя по бедрам, и зашелся смехом, довольный собой.

– Тьфу! – Илья плюнул ему в ноги, и, бросив оземь форменную ушанку, пошел прочь.

– Стой, дед, ты чего? Обиделся? А смена?

– Скажи бывшему хозяину, я более у него не работаю. Так и передай слово в слово: Бог на небесах видит злодеяния. За все ответит сволота. Передашь?

Парень растеряннo мялся.

– Ничего ты не скажешь. Бессловесный. Понимаю. Работа. Ладно, живи.

Дед глубоко вздохнул и, махнув рукой, заспешил домой, – ну их всех.

Дед

Лежа на старенькой дачной кушетке, Михаил Трофимович думал о годах, промелькнувших так быстро, что он, только начав осознавать, не мог смириться. Жизнь распалась на две половинки: первую он называл прошлой, вторую – настоящей. Одна закончилась в конце девяностых с развалом Советского Союза. На съезде кинематографистов выскочки-демократы объявили, что будут снимать свое кино. Многие режиссеры (в том числе и он) ушли, оставшиеся пытались приспособиться к модным принципам современного искусства: бандиты, деньги, секс. Тогда началась вторая половина жизни: почти десять лет Михаил Трофимович работал в ресторане, подавал пальто и, протягивая руку за чаевыми, «покорно благодарил "зажравшихся клиентов"». Был ли он спокоен? Почему тогда искал оправданий, мол, неважно, кем работаешь, главное, как?

Силы его истощились и дряхлеющий Дед (так называли его друзья, жена Маша и ее дочка, Рита) один поселился в деревне, в доме купленном Машей.

Супруга с дочерью редко навещали в холодное несезонье, и он корил, что совсем, де, покинули «старого волка». Зато летом визиты становились частыми, долгими, он называл их оккупацией, и тихо матерился, желая, наконец, одиночества и покоя. Иногда, раздражаясь, хватал сигарету и шел во двор курить. Там давал себе волю, ругая «этих баб» последними словами. Тогда в глазах жены он читал неприязнь: она будто воздвигала между собой и мужем забор, отстраняясь от него.

Дед, опомнившись, становился нежным, говорил о любви, но Маша не верила, и потому, что была молода и жестока, бросала ему в лицо: «Любишь? Да просто боишься остаться один, ведь ты очень стар». Супруга была права, но лишь отчасти. Михаила Трофимовича устраивало одиночество, с годами он уже не терпел суеты вокруг, но и не желал полного забвения со стороны семьи. Жена звонила каждые два-три дня, и ему нравился такой порядок. Временами подозрительность овладевала стариком, в недоверии супруги он усматривал приговор. Тогда нарывался на скандал и прямо обвинял супругу и падчерицу в том, что они ждут его смерти.

– Не дождетесь! – багровел старик, – Я еще схороню обеих!

После таких сцен Маша с Ритой долго и мучительно ненавидели его. Маша грозила разводом, но проходило время, муж был ласков, и, поддаваясь на его уговоры, оставляла все как есть.

Иногда его картины показывали по телевидению, и он звонил жене, чтобы обязательно посмотрела, при этом страшно гордился. Дед невысоко оценивал свои работы, но от Маши ждал восторга. Жена, не будучи щедрой на похвалы, больше отмалчивалась. Если муж настаивал, сдержанно говорила, что фильм неплох, совсем неплох. Однажды в ссоре Маша выкрикнула:

– Посредственность!

– Что? – опешил он.

– Посредственность. – Повторила она и добавила спокойнее, – и как человек, и как режиссер. Как человек даже хуже.

– Плохой человек? Это я-то? Получше твоих бывших мужей.

Маша покачала головой и не ответила.

– А режиссер? Разве плохие фильмы я снял? – Выпытывал Дед.

– Сам-то как думаешь?

– Нет, я тебя спрашиваю.

– Зачем тебе знать мое мнение?

– Ну, уж, дорогая моя, заикнулась, так говори. Между прочим, на киностудии хвалили. Профессиональные критики, замечу. А ты, что ты понимаешь?

– Я зритель. Если угодно «кинозритель», которых ты презираешь.

– Ну, ну, – Дед хмыкнул, – видал я таких кинозрителей. И кинозрительниц.

– Успокойся. Фильмы совсем неплохие. А если посмотреть современную «залипуху» – я про сериалы – и вовсе шедевры. Так что ты счастливый; тебя не будет, а картины останутся, пусть не гениальные, но их показывают.

– Показывают, – саркастически протянул Михаил Трофимович, – ты спроси, кто знает мою фамилию. Публика? Не смеши. Я не распиарен, как Михалков, не гениален, как Бондарчук.

– А мог быть на слуху и тусоваться в одной помойке с сериальщиками. Их знают все, тебя – никто.

– Кого знают? – засмеялся он. – Разве что актеров. Их и должны знать, они публичные люди. А кому нужен средний режиссер?

– Никому, – тихо ответила Маша, – только такой дуре, как я.

К сердцу Михаила Трофимовича прилил жар. Снова и снова он вспоминал фразу жены, всякий раз лишаясь покоя. На мгновение стало жаль супругу. Может, прогнать? Молода еще. Состарится вместе со мной. И отвечал сам себе:

– А как же я? Старому человеку нельзя одному.

Дед судорожно вздохнул и нащупал пульс. Ритм сердца был неровным.

– Только бы не умереть. Не хочу умирать посредственностью. Я обязан доказать Маше, что она не права. Но как? Кстати. Дамы хотят мемуаров, плешь проели на моей седой башке. Будут вам мемуары. Начну прямо завтра, а лучше с понедельника. Точно, с понедельника.

– Старая песня, – ответил внутри него Машин голос, – неосуществимые мечты, слабые потуги.

– Если вспоминать, то честно: например, как мочились на публику с балкона. Известные люди были со мной тогда, – мысленно поддержал старик диалог, вслух же хихикнул, и произнес с тенью былого задора:

– Точно. Мол, мы наверху, и плевали на толпу.

Дед вздохнул: он древнее и беспомощнее пирамид своих мыслей, и как бы не пытался спрятаться, от себя не уйти. Вспомнил, как мечтал покорить мир: спорил с сокурсниками по ВГИКу, что взорвет кинематограф, создав великую картину, даже голос сорвал. Уже тогда он боялся забвения. Не потому ли ушел из кино, что взбунтовался против серости политика-нов. Два фильма изъяли из проката, как не отражающих Советской жизни. А жаль. Маше бы они наверняка понравились. И Рите тоже. Что он чувствовал тогда? Рушилось старое, и не было нового. Повод. Повод уйти. Крах. Пустота за плечами, балласт прожитых лет. Тогда он встретил Машу, и вернулся смысл. Потом он воздвиг «китайскую стену» между ними.

Михаил Трофимович медленно поднялся и прошел на кухню. Когда вспоминал о том, что натворил, хотелось умереть.

Бог простит, а что сделать, чтобы простила она, моя Маша. Залитое слезами лицо падчерицы, а жена... у нее было такое злое лицо. Дед заплакал. Потом нашарил припрятанную бутылку перцовки, и вытянул из-за буфета двумя пальцами. Выплеснул в раковину чаинки из кружки и наполнил водкой на две трети. Выпил, и с ненавистью посмотрел на свои руки, которые навсегда запомнили тепло шелковистой шеи и пульсирующую жилку возле уха. Лишь, когда Маша схватила его за волосы, он опомнился и перестал душить девушку. Рыдая, выбежал из дома и до утра бродил по городу, не смея вернуться. Когда пришел, дома никого не было, лежала записка на столе. Маша с Ритой уехали в деревню. Тщетно он ждал их возвращения в город. Маша устроилась работать в сельский магазин, Рита искала место. Тогда дед позвонил жене, чтобы возвращались, в деревне будет жить он.

Надежда на примирение теплилась в душе, но вечно он все портил, не умея совладать с приступами внезапного гнева. Но почему его злость не касалась жены? Может, Маша права, и он действительно ревнует Риту, ревнует, как женщину к многочисленным ухажерам.

– Какая чушь, – он плеснул еще немного перцовки, и, выпив, почувствовал, что пьянеет, – я не бил своих женщин от ревности даже когда был молодым».

Бессилие. Бессилие и зависть. Маша читала его как книгу, он же не знал о себе того, что видела она. Плохой человек. Тогда почему он мучается, почему ему стыдно?

– Что сделать, чтобы Маша простила?

Перевернул бутылку и вылил несколько капель. Старик не заметил, что выпил все. «Жена не простит меня». Качаясь, Дед добрался до кровати и рухнул. Потолок медленно вращался, образуя четкую спираль, затягивая внутрь. Михаил Трофимович боролся, уцепившись за края одеяла. Наконец, силы его иссякли, он обмяк и дал подсознанию унести себя в прошлое, в сорок второй год.

Двенадцатилетний подросток, тщетно пытаясь согреться, прижимался к холодной печке. Отец отправился на рынок, чтобы выменять старые часы на кусок хлеба и мальчик ждал его, поглядывая на кровать, где укрывшись тряпьем поверх одеяла, лежала, не вставая, мать. Невесомая струйка пара показывала, что она дышит. Сегодня Миша ослаб настолько, что не пошел за хлебом. Отец, вернувшись с работы, разделил остатки своего пайка. Так не могло продолжаться, чтобы выжить, надо есть. А чтобы есть, надо встать и идти за хлебом. Утром. Иногда спасительное забытие приходило на выручку, и парнишка коротко засыпал. Во сне голод не мучил, но вплотную подбирался мороз, и он, очнувшись, сильнее жался к печке. Отец вошел, плача от радости:

– Смотри, – крихтя, поднял над глазами небольшой мешочек, – греча, три килограмма, сказал солдат, но тут все пять, видишь, как тяжело поднимаю. Но это не все. За пазухой сахар, настоящий сахар.

– Фим, свари Мише кашу, – тихо сказала мать.

Отец перебирал свою библиотеку. Дореволюционное издание словаря Брокгауза и Ефрона он пожалел, в ход пошла медицинская энциклопедия. Развел огонь и бросил щепотку крупы в алюминиевую кружку. Вскоре каша была готова, и хватило пары ложек, чтобы сыну стало лучше. Потом накормил жену, сам же сказался сытым, мол, на работе поел. Миша согрелся, поддерживаемый отцом, добрался до кровати и лег рядом с матерью. Вместе теплее. Сон сморил мальчика.

– Сколько времени? – Ему почудилось, прошла целая вечность и снова они останутся без хлеба, – где папа?

– Ш-ш, спи сынок, ночь на дворе. Не волнуйся, я разбужу тебя, как пойду на работу.

– Без часов, как мы узнаем время?

– Я чувствую его, ты же знаешь, сын. Сейчас около двух.

Отец повернулся на бок и затих. Миша лежал на спине и считал: один, два, три... шестьдесят. Минута. Шестьдесят минут – час. Когда настало пять часов, тихонько встал и начал собираться. Поднялся отец.

– Я за хлебом, – сказал сын.

– Сможешь?

– Да.

– Хорошо. Сегодня заночую в лаборатории.

Жили они на Греческом проспекте, булочная находилась рядом, на улице Некрасова, минутах в семи ходьбы от дома. Но Миша проходил этот путь трудно, затрачивая на дорогу полчаса, а то и больше. Народ уже стоял, ожидая открытия. Мерзли. Когда становилось невмоготу, кто-нибудь бросал клич: «Качаемся!». Цепочка людей, обняв друг друга начинала раскачиваться. Становилось теплее. Приходила продавщица.

Миша запомнил ее пальцы: красные, обветренные, они на одну фалангу выглядывали из обрезанных перчаток. Продавщица старательно нарезала брусочки хлеба и взвешивала с точностью до крошки.

Иногда возле очереди появлялся цыган, черный, в рваном тулупе, из которого выглядывали клочья ваты, голова замотана в тряпье. Он высматривал очередную, наиболее ослабленную жертву, и стоило ей отойти на несколько шагов от толпы, шатаясь, наступал и отбирал хлеб. Сил бежать не было, и он тут же падал на снег, запихивая кусок в рот. Люди подходили и тихо (будто во сне) пинали вора. Плача, не отирая соплей и слез, он тяжело вставал и брел в соседний двор, где можно было попить воды из-под крана. Однажды цыган исчез, и люди вздохнули с облегчением. Поговаривали, что его нет в живых. Миша боялся цыгана, но вскоре убедился, что слухи верны. В тот день мальчик отправился за водой. Вокруг колонки намерз толстый слой льда, и Миша шел очень медленно, боясь поскользнуться. Он заметил край ткани, торчащей наружу, и присмотрелся: цыган, вероятно, упал и не поднялся, так и вмерз.

Как-то Михаил Трофимович рассказал эту историю Маше, и видимо, разбередил память. С тех пор кладовые мозга выдавали по ночам, когда он был беззащитен, эпизод пережитого. Одно утешало, что не всякую ночь.

Дед пришел в себя: голова болела с похмелья. Досадливо поморщился: никак не отмахнуться от воспоминаний. Ну, хоть бы приятное, а то...

Включил чайник, положил в чашку две ложки растворимого кофе и три – сахару. Последнее время приходили тревожные мысли: может, не зря видел себя мальчиком в блокадном городе? Оправдался ли перед Богом, ставя пустые картины? И так ли они пусты? Возможно, был в них бунт. Сам не додумался бы до этого. Опять Маша. Чудная, прекрасная, талантливая Маша. Рита, вылитая мать, но глубже и нервнее, что ли... А краса, фигурка! Гм. Не о том я.

Михаил Трофимович был феноменально ленив, когда дело не касалось чистого творчества, поэтому не противостоял «сильным мира». Сколько лет потратил режиссер, собираясь ставить фильм о Пушкине, сколько тонн бумажной руды перелопатил? Картина так и осталась в мечтах, вызывающих сожаление. Почему? Как долго его водили за нос? Вот, снимешь совместно с чехами – тогда ставь, вот сделаешь картину о летчиках – делай потом, что хочешь. Фильмы изымали из кинотеатров: советские самолеты, видите ли, не разбиваются.

– Это бунт, – однажды восхитилась жена, – ты не знаешь, а я вижу бунт. И пусть зрители не видели картину, но ты оказался опасен для «генералов».

– Я все-таки не такой уж плохой режиссер, – решил Михаил Трофимович, – да и Маша так не думает, что бы ни говорила. И человек тоже неплохой: просто одинокий и непонятый.

Дед вспомнил о Ване и задумался. Ваня, едва оперившийся цыганский паренек, задел струнку в душе старика своей открытостью и детской непорочностью, которая казалась чудом на фоне пьянства и разврата, царящего вокруг. Парнишка помогал Михаилу Трофимовичу по хозяйству, и с замиранием слушал рассказы пожилого человека. Сэм, его брат, имеющий репутацию вора и наркомана, обычно дожидался Ваню на дороге. Что связывало их? Родство, как утверждал цыганенок? Или дед ошибся в юноше? Теперь парня ждал суд. Жестокое убийство двух стариков потрясло деревню. Сэм и Ваня. Потом выяснили, что Ваня не убивал, стоял на «стреме». Сэм влез в дом через веранду, чтобы забрать деньги. Взял топор, стоявший возле печки. Пожилая женщина проснулась, и вор ударил ее обухом в висок. Следом поднялся дед, и Сэм рубанул топором сплеча, поджег дом и выбежал. Ваня погасил пламя и ужаснулся, увидев трупы. Он и позвонил в милицию. Михаил Трофимович пригласил друга-адвоката, цыганская община оплатила расходы.

Жена не одобряла симпатию старика, но мирилась, потому, что, да кто ее знает? Теперь Дед пытался понять за что полюбил парнишку и не находил ответа. Недавно жена предложила свое мнение:

– Легко любить на расстоянии. Того, кого едва знаешь, с кем не пересекаешься ежедневно многие годы, так, что с трудом терпишь.

– Думаешь? – усомнился Михаил Трофимович, – в тебе нисколько романтики. Надо все по полочкам разложить? Что да почему. А я, может, не хочу анализировать свои чувства.

– Вот и любил бы мою дочку.

– Я люблю Риточку. А она меня ненавидит, потому, что я стар для тебя. Она хочет, чтобы у матери был молодой и богатый кобель.

– А ты старый, к тому же, дурак.

– Да.

– Тогда и я тебя ненавижу. И не забуду того, что ты сделал. Никогда.

– Она не простит меня. Господи, пошли мне смерть.

Маша, как обычно, позвонила через два дня. Телефон долго звонил, и ползал по столу, вибрируя. В избе было холодно, печь не топилась второй день. Дед лежал под одеялом, забро-
санным сверху тряпьем, ему казалось рядом лежит мать. Они ждали отца. Хлеба не было, ведь он ослаб и не мог ходить. А чтобы жить, надо есть. Струйка пара от дыхания становилось все тоньше, потом пропала.

Соблазн

С наступлением первых ноябрьских морозов Игнат потерял покой. Накануне встретил он дружка приятеля Илюху, такого же заядлого рыбака, как сам, и душа заметалась, забилась в черной тоске. Не благую весть принес ноябрь.

– Слыхал, Елисей вернулся? Ты глаза-то не коси, думаешь Илья дурак? Э-эх! Я еще тогда просек, что не Панкратку ты, мил дружок, примочил, не его надеялся застукать в своей хатке. Ожидал, верно, Елисея с топором иль разговором? Любка, зараза, от венчанного супруга вмиг к тебе перекинулась и молвы не постеснялась. Так-то, корешок, сердешный. Бабу, дело прошлое, не поделили. Прав был Степан Разин: топить не перетопить энтих. Стой, куда!?

Игнат забыл обо всем на свете. В мозгу застучала мысль: Любка покидает его, уходит обратно к бывшему муженьку, и он побежал, задыхаясь: как же так, а любовь?

Женщина удивленно посмотрела на сожителя:

– Или гонится кто?

Игнат опустил на лавку, переводя дух:

– Фу, думал, не застану.

– Странно, никуда не собиралась вроде. Говори толком, что стряслось?

– Елисей откинулся, – губы Игната предательски дрожали, он сцепил пальцы рук на коленях. – Ну?!

– Что ну? Говорено-переговорено. Ай, гонишь? – Подошла вплотную, нагнулась, заглядывая в лицо, – Любимый! Нет мне без тебя жизни! – Обхватила его голову, прижала к мягкой груди.

Успокоился Игнат, только ненадолго. Мерещился Елисей всюду, чудилось Любка милуется с бывшим мужем, а тот замышляет страшную месть, хуже адского пламени. А баба, баба и есть, вильнет хвостом и прости-прощай Игнатушка, разлюбила и все дела. Что-то больно ласкова стала. Он раздражался, уходил в себя, рвался из дому: скорей бы лед стал. Невмоготу. Хватал удильник с блесной-самоловом из мельхиоровой ложки. Играет, ети ее, а крючок вит-перевит медной провололочкой. Красота! Вспоминал: окунь – гигант черногорбый – так и прет, успевай знай таскать!

И вот дождался-таки! Наконец, лед сковал озеро. Прочь из дому!

– И куда собрался, баламут? Лед едва стал, тоню-юсенький. Нейметса, так хоть на других поглянь, слыхано дело: горе-рыболов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.